Барсегян А.

ГРЕХ



Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б26

Барсегян, Алиса Викторовна.
Б26 Грех / Алиса Барсегян. — Москва : Барсегян А., 2026. — 416 с.

ISBN 978-5-600-05529-2

Перед вами исповедь без покаяния.

Что если дьявол придет к современной женщине? Сегодня, сейчас. Что если он никогда и не уходил?

Героиня, однажды вкусившая запретный плод познания темной стороны мира и самой себя, делится своей историей — откровенной, порой пугающей, но неизменно честной. Оказавшись в центре загадочных событий, она начинает слышать внутренний голос, но постепенно понимает, что он является отдельной сущностью. Читателю предстоит узнать, кому на самом деле принадлежит этот голос, а также окунуться в таинственные истории, где вещие предчувствия, пугающие совпадения, любовь, боль и искушение сплетаются в единую нить судьбы, связывающую людей и события в непредсказуемом и витиеватом, порой сюрреалистичном сюжете.

«Грех» — многожанровый и многослойный роман на стыке реальности, мистики и бреда человека, сходящего с ума. В нем потустороннее соседствует с повседневностью, философская глубина — с личной драмой, а детективная интрига переплетается с библейскими мотивами.

Этот атмосферный роман о темной и древней части женской души придется по вкусу любителям символизма, психологии, мистики и непредсказуемых сюжетных поворотов.

Если книга затронула ваши религиозные, духовные и этические чувства — значит, они у вас есть.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-600-05529-2

© Алиса Барсегян, текст, 2026
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Оглавление

Предисловие 9
Пролог 10
Часть 1. Внутренний голос 13
Глава 1. Начало 14
Эпизод 1. Скрипач 14
Эпизод 2. Палата номер семнадцать 18
Эпизод 3. Чертовщина 21
Глава 2. Сон 23
Эпизод 1. Дар 23
Эпизод 2. Голубая река 25
Эпизод 3. Сонный паралич 27
Глава 3. Смерть из прошлого 30
Эпизод 1. Ведьма 30
Эпизод 2. Святки 33
Эпизод 3. Одержимость 36
Часть 2. Демон 41
Глава 1. Рождение диалога 42
Эпизод 1. Тоска 42
Эпизод 2. Прогулка 44
Эпизод 3. Добро и зло 48
Глава 2. Связь 53
Эпизод 1. Подарок 53
Эпизод 2. Каприз 55
Эпизод 3. Встреча 56
Глава 3. Тридцать первое мая 58
Эпизод 1. Дождь 58
Эпизод 2. Гроза 62

Эпизод 3. Шторм 67
Глава 4. Потеря 69
Эпизод 1. Белые кеды 69
Эпизод 2. Гнев и торг 72
Параллель первая. Смирение 73
Эпизод 3. Сон и явь 74
Часть 3. Монастырь 79
Глава 1. Пациентка из тринадцатой палаты 80
Эпизод 1. Лечебница для душевнобольных 80
Параллель вторая. Пленник 84
Эпизод 2. Святая вода 86
Эпизод 3. Мужчина с черной бородой 88
Глава 2. Новый знакомый 97
Эпизод 1. Ключ 97
Параллель третья. Первый 101
Эпизод 2. Беседа пациентов 106
Глава 3. Ломать не строить 109
Эпизод 1. Шорох фантиков 109
Эпизод 2. Человек с золотой жабой 113
Эпизод 3. Хозяин 116
Часть 4. Призрак 121
Глава 1. Тайны монастыря 122
Эпизод 1. Морзянка 122
Эпизод 2. Побег из рая 124
Эпизод 3. Домик на дереве 130
Параллель четвертая. Живой и мертвый 135
Глава 2. О Черте и Продавце 137
Эпизод 1. Пуля 137
Параллель пятая. Список 144
Эпизод 2. Портрет 150
Эпизод 3. Черный капюшон 153
Глава 3. Полнолуние 156
Эпизод 1. Белая ночь 156
Эпизод 2. Красная луна 164

Параллель шестая. Пожар 167
Эпизод 3. Вой на луну 170
Часть 5. Возвращение 173
Глава 1. Добродетели 174
Эпизод 1. Смирение 174
Эпизод 2. Справедливость 180
Эпизод 3. Мужество 182
Параллель седьмая. Дары мести 188
Глава 2. Безбожный 193
Эпизод 1. P. S. 193
Эпизод 2. Все впереди 195
Эпизод 3. Жертва 197
Глава 3. Пути Господни неисповедимы 201
Эпизод 1. Дорога в Ад 201
Эпизод 2. Дорога в Рай 205
Эпизод 3. Дорога домой 211
Часть 6. Злые чары 217
Глава 1. Предсказание 218
Эпизод 1. Азарт 218
Эпизод 2. Гадалка 223
Эпизод 3. Имя мне – легион 227
Эпизод 4. Выбор 229
Глава 2. Исцеление 232
Эпизод 1. Предоплата 232
Эпизод 2. Неизбежность 235
Эпизод 3. Свобода 239
Глава 3. Осенняя оттепель 243
Эпизод 1. Полынь 243
Параллель восьмая. Незваный гость 247
Эпизод 2. Мужчина из монастыря 252
Эпизод 3. Худший кофе в моей жизни 253
Часть 7. Холод 257
Глава 1. Северный рай 258
Эпизод 1. Обратный билет 258

Эпизод 2. Снег 266
Эпизод 3. Рождественская суета 270
Глава 2. Дурак 276
Эпизод 1. «Русский вальс» 276
Эпизод 2. Кровь 287
Эпизод 3. Попутчик 294
Глава 3. Ночь перед Рождеством 298
Эпизод 1. Скрипач дьявола 298
Эпизод 2. Вишневый снег 306
Параллель девятая. Портал 308
Эпизод 3. Рождественский подарок 310
Часть 8. Сделка 315
Глава 1. Заговор 316
Эпизод 1. Гарант доверия 316
Эпизод 2. Лень, слабость и желание 322
Эпизод 3. Молчаливый побег 326
Параллель десятая. Седая прядь 329
Глава 2. Февраль 339
Эпизод 1. Взаперти 339
Эпизод 2. Энтропия аукциона 341
Эпизод 3. Библиотека нерассказанных историй 344
Глава 3. Похороны иллюзий. 348
Эпизод 1. Альбом одержимого художника 348
Эпизод 2. Искры ярости 356
Эпизод 3. Сигил 359
Часть 9. Последняя 365
Глава 1. Чудотворная икона 366
Эпизод 1. Толпа 366
Эпизод 2. Слово 371
Эпизод 3. Казнь 373
Глава 2. Прощеное воскресенье 376
Эпизод 1. Письма-параллели 376
Эпизод 2. Дом художника 379
Эпизод 3. Ледоход 386

Глава 3. Финал 395
Эпизод 1. Кома 395
Эпизод 2. Бред 399
Эпизод 3. Реальность 404
Параллель одиннадцатая. Ворон 408
Параллель двенадцатая. Написанная хозяином монастыря рукой демона 409
Послесловие 412

Предисловие

Дорогой читатель, перед тобой исповедь без покаяния. Я позволю себе эту вольность – перейти на «ты», потому что держащий в своих руках частицу моей души ближе доброго приятеля и даже старинного друга. И пусть это лишь кусок дерева и несколько капель краски, но в них скрыт целый мир со своими тайнами и человеческая жизнь во всей ее удивительной и страшной красоте.

Помни, дорогой друг, что книга эта является художественным произведением, а ее повествование лежит на стыке реальности, мистики и бреда сходящего с ума человека. Потому все персонажи вымышлены, но все совпадения не случайны, а места, в которых происходят события, кажутся вполне узнаваемыми.

Пролог

Рождаясь, человек подписывает свой смертный приговор, а может, договор? Сделку с Богом. Или с дьяволом? Но в результате он имеет набор возможностей и чувств — физических, с которыми мы все знакомы, и духовных, которые не так часто обсуждаются, потому что являются более сложной конструкцией.

К примеру, ребенок остро чувствует «добро и зло», он умеет «проводить черту». Но с возрастом все больше теряет этот навык. Границы «черного и белого» размываются, сливаются в ровный серый тон.

И вот мы уже в точке, где ищем оправдание убийству, очаровываемся злодеем и объясняем предательство альтернативной точкой зрения. А само слово «грех» приобретает для нас двоякий смысл, выступая не только как проступок, ошибка и дьявольское искушение, но и как манящее желание или даже свойство личности. «Есть грешок», говорим мы, принимая в себе какую-то черту характера или привычку, более того, порой именно «грех» выступает как путь к просветлению и искренности, ведь «не согрешишь, не покаешься».

Только столкнувшись со злом, возможно в полной мере познать добро. Подобно тому как, не зная тьмы, мы не ведали бы, что такое свет, даже живя озаренные им. Как в раю, не вкусив от запретного Древа познания, человек не мог постичь истинной меры и ценности вечной жизни и благодати — без смерти, лишений и горя.

Древо познания — лишь символ, а плод его — это полная палитра мироздания. Демон предложил Еве не яблоко или айву, а познание обратной, темной стороны реальности.

Сюжет стар как мир. И потому *Amor fati* — «полюби свою судьбу». Именно она, неповторимая и прекрасная, хоть и безжалостная порой, делает тебя человеком.

Я и есть Ева, вкусившая тот плод, познавшая добро и зло. И если бы мне предложили на выбор Рай или Ад, я бы вновь выбрала Землю и свою судьбу.

Потому не спеши, дорогой читатель, и лишь прочтя мою исповедь до конца, решай, сможешь ли ты стать тем, кто «первым бросит в меня камень».



Часть 1

Внутренний голос

«Земное первое мученье
и слезы первые мои».

Лермонтов М. Ю. «Демон»

Глава 1

Начало

Эпизод 1

Скрипач

Попадая в этот мир, новорожденный не только подписывает свой отсроченный смертный приговор, но и полностью принимает условия игры. Которые заманчиво просты и понятны, но лишь на первый взгляд. Есть бесконечно вальсирующие в своих циклах полюса: «день и ночь», «мороз и зной». И более сложные: «страх и радость», «удовольствие и боль» и даже такие как «жизнь и смерть». И все они делят наш мир на эдакие «плюс и минус», «добро и зло» или Бога с Сатаной, если хотите. И оба полюса сильны, более того, взаимосвязаны, зависимы друг от друга, взаимно необходимы и важны, даже те, что человек воспринимает как зло. Так, страх необходим, чтобы почувствовать опасность и спастись, а боль указывает, где нужно вылечить.

Не будь в нашей жизни боли, мы бы не отдернули руки от огня, не прекратили бы то, что нас разрушает. Все в порядке, пока между полюсами есть равновесие. И есть человек, словно балансирующий между ними, как воздушный гимнаст в цирке: свет, азарт, изумленная публика и лишь артист, свободно скользящий над залом под несмолкаемые овации — награду за мастерство, упорство и годы тренировок... Но на деле оказывается, что есть лишь одна попытка — репетиций и тренировок не будет, оваций тоже. Канат твой — лишь тонкая шелковая нить в кривых руках Мойры, натянутая над бурной рекой. А в конце пути пропасть и непроглядный туман, который скрывает не то трехголовых чудищ, не то новый чудный мир, но, вероятнее всего, абсолютную пустоту и тьму глубиною в вечность...

Не каждый посетитель ресторана задумывался об этих мрачных сюжетах в ожидании своего заказа или спутницы, глядя на открывающуюся за крышей оперного театра панораму праздного ночного города. Но каждый был рожден и каждый смертен, о чем судьба заставила вспомнить этой ночью всех без исключения присутствующих, кто стал свидетелем внезапного происшествия на верхней террасе отеля.

Скрипач слегка нахмурился, возясь с маленьким микрофоном, поднял слишком яркие, даже для голубых, глаза, бегло посмотрел прямо на меня, переглянувшись с певицей, пробормотал что-то на латыни, кажется, *«Amor fati»,* и расплылся в улыбке. Он сделал резкое и сильное движение смычком по струнам, будто хотел перерезать горло, а не извлечь звук из стонущей на разрыв скрипки.

Мелодия, тяжелая и стремительная, ворвалась внезапно, как летний гром, и завладела пространством, а артисты — вниманием посетителей.

Певица, изящная шатенка, еще раз обернулась на не сводящего с нее глаз музыканта. А затем, глядя на меня, сидящую ровно напротив сцены, слегка наклонила голову с лакирован-

ной волной волос и так доверительно приблизилась театрально красными губами к микрофону, что казалось, хотела предостеречь от чего-то жуткого или же, наоборот, благословить меня лично.

Она глубоко вдохнула, и в тот самый миг, когда напряжение мелодии уже невозможно было больше нагнетать, вместо того чтобы запеть, упала лицом вниз со сцены — прямо посреди изумленного зала...

Музыку сменили испуганные возгласы и крики: «Врача! Скорее! Нужен врач!» Кто-то вызывал скорую, кто-то засобирался домой. Но основная часть присутствующих сбилась в небольшую группу зевак, выстроившихся клином, во главе которого непонятным образом оказалась я.

Было жаль эту красивую молодую женщину, которая лежала на полу в пугающе неестественной позе, с закатившимися глазами и приоткрытыми губами, яркая помада с которых размазалась по лицу неровными алыми пятнами. Передние зубы были выбиты при падении, и небольшая струйка крови сочилась из верхней губы прямо над ними.

Мне было стыдно оставаться в толпе наблюдателей, и я невольно сделала пару шагов вперед, чтобы хоть как-то отделиться, таким образом, оказавшись прямо у головы певицы.

— Она мертва, отойдите, — сказал, поднимаясь с колен, осматривающий ее человек и направился к выходу.

Я присела на корточки и стала судорожно ворошить в памяти свои знания об оказании первой помощи. Что-то вселяло в меня уверенность, что она точно жива. Я машинально проверила пульс, дыхание, освободила дыхательные пути от осколков зубов и запавшего языка, перевернула голову набок, словом, отключила разум и действовала, слушая лишь свой внутренний голос, который неожиданно предоставил точный алгоритм действий.

Наверное, со стороны я двигалась на автомате, как под гипнозом или как профессиональный медик, но внутри меня все сжалось и шел диалог, похожий на это:

— Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста, пусть она очнется!

— Тогда делай это...

— Пожалуйста, пожалуйста, пусть она живет!

— Держи, открывай, переворачивай...

— Пожалуйста, умоляю!

— Три пальца ниже, давай жми, еще...

Я так вцепилась в эту несчастную, как будто бы от того, очнется ли она, зависела вся моя жизнь. Возможно, так оно и было... Возможно, не открой тогда певица своих зеленых глаз, меня ждала бы совсем другая судьба. Но она их открыла и вдохнула, да так резко, что я невольно вспомнила про движение скрипача в начале их выступления. Потому, оставив внезапно ожившую певицу собравшимся вокруг изумленным и радостным зрителям, я стала искать его глазами. Ведь если выступали они вместе, вероятно, были знакомы и музыкант мог бы сообщить родным этой женщины о том, что случилось, или поехать с ней в больницу.

Скорая к тому времени уже подъехала и собиралась увозить растрепанную и бледную певицу.

Я спрашивала и официантов, и зевак, затем выходящих посетителей и даже людей на улице, но скрипача никто не видел и даже не помнил о нем.

Оставшись в недоумении: как можно было покинуть в этой ситуации человека, с которым секунду назад вместе стоял на сцене, я было возмутилась, но тут же одернула себя, что «не суди и не судим, будешь» и «чужая душа — потемки». И по большому счету какое мое дело и откуда мне знать, быть может, он побежал за помощью? И я забыла о скрипаче с голубыми глазами. Ведь было кое-что более важное во всем этом: не только спасенная жизнь — вот этими, на удивление моими собственными руками, но и само чудо: когда вера меняет же-

стокую реальность, когда человек не боится прислушаться к своей интуиции или внутреннему голосу и это действительно работает, настолько, что побеждает смерть.

Я шла домой по мокрым весенним улицам, залитым искрящимися от фонарей и рекламных огней лужами, рассуждая и беседуя мысленно о том, какой могла бы стать наша человеческая жизнь, если бы этот «голос» присутствовал в ней всегда, а не только в самые сложные моменты.

Эпизод 2

Палата номер семнадцать

Заря разрасталась над городом, как пятно от разлитого красного вина на светлой скатерти, занимая уже почти треть неба. Город, неспешно просыпаясь, величественно сиял, окутанный алыми отблесками.

Жаль, что я не люблю рано вставать, отчего жертвую созерцанием этого вида каждое утро.

Но сегодня мне не спалось, и, встав с рассветом, я уже около часа сидела на небольшом кованом балконе за чашкой очень крепкого кофе. Не люблю вовсе этот напиток, привлекает лишь его запах.

Был предпраздничный выходной, флаги развевались над крышами и на тщательно убранных, но еще абсолютно безлюдных площадях и аллеях. Все вокруг будто замерло в ожидании чего-то важного, нового и неизбежного...

Меня также терзало предчувствие. Списав эту тревогу на события вчерашнего вечера, ведь лицо полумертвой певи-

цы то и дело всплывало в моей памяти, уже выходя из дома, я решила поставить точку в этом переживании: выделить полчаса и по пути заехать в больницу, узнать о ее состоянии, завезти цветы и фрукты. Ведь любому больному важны такие мелочи, как связь с внешним миром вне больничных стен, особенно избалованной вниманием поклонников певице. Окончательно успокоив себя этими мыслями, я подошла к лифту и поняла, что абсолютно не помню, закрыла ли дверь на ключ. Внутренний голос подсказывал, что нужно проверить, но меня одолела лень и сопротивление.

Тревога усиливалась обратно пропорционально расстоянию, оставшемуся до больничной палаты номер семнадцать. Все внутри меня словно сжалось от напряжения, когда, взявшись за ручку двери, я услышала в своей голове предостережение: «Не надо, пожалеешь»... но, конечно же, вошла.

Девушка была в сознании, вся ее поза и взгляд были такими, будто она сидела весь день и ждала, глядя на дверь. Я не успела даже произнести приветствие или улыбнуться, как она затараторила:

— Простите меня, пожалуйста, я все испортила, я так виновата перед вами, простите, вы поймете меня и сможете простить! Я так виновата, Господи! — И она зарыдала как ребенок, уткнувшись лицом в подушку.

Немного опешив от такого «теплого приема», я поставила корзину с фруктами на тумбу, цветы в вазу и, произнеся: «Успокойтесь. Вы ни в чем не виноваты, такое может случится с каждым», — поспешила на выход.

— Молитесь! Только молитва помогает! — зачем-то крикнула мне вслед эта ненормальная.

Вот уж действительно, не надо было сюда приезжать. И почему я опять не прислушалась к интуиции?

Она ни капли не напугала меня, но какое-то гадкое и стыдливое чувство меня посетило, потому что мой добрый душевный порыв столкнулся с реальностью, и я осознала, что по сво-

ей наивности зачем-то приехала к незнакомому человеку, который, судя по всему, слишком уж сильно ударился головой. И испортила вечер и ей, и себе.

Ну почему я лезу не в свое дело?

Хотелось быстрее вернуться домой, и я решила сократить путь.

Я хорошо ориентировалась в лабиринтах коридоров, потому что знала этот корпус городской больницы, не раз бывая здесь во время университетской практики. Свою жизнь с медициной я так и не связала, но все было не зря хотя бы потому, что от этих веселых времен остались не только прекрасные воспоминания в моей памяти, но и некоторые знания. Такие как знание латыни, например.

Служебный коридор, соединяющий под землей два крупных отделения больницы, как раз был исписан надписями на этом красивейшем мертвом наречии, которые ради забавы оставляли студенты и врачи, приходя сюда на перекур.

Мрачную атмосферу подчеркивали подтеки на стенах, трубы и провода, тусклые лампы, запах сырости и хлора.

«*Amor fati*» — бросилась мне в глаза фраза, написанная прямо над выходом из больничного подземелья.



Эпизод 3
Чертовщина

Уже подходя к своей квартире на последнем этаже, я в очередной раз подумала, как хорошо, что рядом нет соседей, никто тут не шумит, не бродит и...

Стоило мне тронуть ручку, как дверь медленно и тихо открылась. Я больше разозлилась, нежели напугалась. Ведь чувствовала, что надо проверить, когда уходила! Слава богу, следов пребывания кого-то здесь в мое отсутствие я не обнаружила и, спокойно раздевшись, пошла в душ. Где, стоя под потоками воды, дала себе обещание отныне слушать свой внутренний голос.

Мое тело расслаблялось все сильнее по мере того, как вода из теплой становилась все горячей и горячей, почти обжигающей, поднимая клубы голубоватого пара. Глаза закрывались от удовольствия и усталости, и я позволила им это. В этот момент показалось, что слышатся неразборчивые голоса не то сквозь струи воды, не то в самом потоке, которые становились все громче и ближе, будто окружая меня в этом полностью заполненном уже непрозрачным паром кубе душевой.

Я открыла глаза и резким движением выключила воду. Шум голосов оборвался, но я поспешила выйти, шепча вслух: «Отче наш, иже еси...» Не одеваясь и не расправляя постель, я забралась под одеяло... и чуть не рассмеялась вслух над самой собой. Никогда ведь не верила в чертовщину, циник и атеист, даже в детстве не боялась темноты. Это все от усталости и недосыпа. Я устроилась поудобнее, и меня плавно начало затягивать в сон.

— Проверь, закрыта ли дверь, — вдруг прозвучало в моей голове.

Наученная горьким опытом, я вылезла из теплой кровати с еще мокрыми после душа волосами, полностью голая и босая спустилась проверить. Ведь я действительно абсолютно не помнила, закрыла ли дверь. Оказалось, что все в порядке, и я, повернув на всякий случай второй замок, отправилась спать.



Глава 2

Сон

Эпизод 1

Дар

Удачливый человек обладает не только спокойствием, но и уверенностью в собственной исключительности. Он не только рад везению, но и безмерно горд собой. Постепенно удивление и радость притупляются привычкой, а гордость разрастается в презрение к «простым смертным», которые прилагают большие усилия, чтобы получить то, что счастливчику достается даром. Со временем он перестает испытывать трепет и азарт, теряет удовольствие от риска и лишь хладнокровно ожидает момента, когда фортуна вновь подарит ему улыбку.

Я же, сдержав обещание прислушиваться к своему внутреннему голосу, со временем начала привыкать к тому, что события постепенно стали предсказуемы и контролируемы.

Волнение ушло, а ему на смену пришла уверенность в своих силах и способности выйти победителем из самых сложных обстоятельств.

Я понятия не имела, каким именно образом, но точно знала, что загаданное желание вскоре сбудется, обидевший меня будет наказан обстоятельствами, а тот, кому я пожелала добра, обретет успех, известность, излечится от болезни или получит внезапную прибыль весьма удивительными, но не выходящими за грань простого совпадения способами.

Я даже порой задумывалась о существовании ангела-хранителя или какого-то особого дара, связанного с этим «голосом». Ведь он подсказывал удивительно точно, и все его слова имели подтверждение, и все его прогнозы сбывались. Я словно на шаг вперед знала, что будет дальше, что стоит сделать, а о чем лучше забыть, кто предан, а кто предаст, кто будет рожден. И даже кто вскоре умрет — в такие моменты я чувствовала ни с чем не сравнимый сладковато-пыльный запах. «Пахнет смертью», — говорил голос, и это звучало как приговор, который не подлежит обжалованию.

Вскоре я перестала удивляться и просто приняла это как устройство мира, потому что все это можно было при желании логично и научно обосновать инстинктами, интеллектом и интуицией.

Голос стал обыденным и привычным, и я совершала порой по его подсказке странные действия, например, перекладывала вещи с места на место и постоянно проверяла, закрыта ли входная дверь. Я не боялась ни чужих, ни знакомых мне людей, не ждала вторжения в мой дом, но каждый день перед сном в полумраке, глядя на ручку двери, замирала от ужаса, представляя, что кто-то повернет ее с той стороны.

И каждый день, уходя, я проверяла, иногда по несколько раз, закрыла ли замок ключом. Иногда это нервировало. Так однажды, поймав себя на том, что третий раз возвращаюсь к двери, я поняла, что это глупо, и решила избавиться от этой

привычки. Злилась на голос, мне казалось, что я схожу с ума, ведь со стороны это выглядело очень странно. И я стала игнорировать его.

Голос звучал все реже, а потом и вовсе стих.

Вскоре меня полностью захватили внезапно навалившиеся дела и проблемы, и я не вспоминала о нем до одной жуткой ночи.

Эпизод 2
Голубая река

Мне снились странные сны. Будто я стою в тишине над быстрой ярко-голубой рекою, текущей между острых скал. Стою на шатком веревочном мосту между огромными соснами дикого леса и небольшим храмом на высоком скалистом острове. Этот храм был необычен. Но, даже вглядываясь и анализируя, было невозможно понять, чем именно он так отличался от подобных ему. Заросший кустами, нападающими на него со всех сторон, которые словно стремились проникнуть внутрь здания, храм одиноко тянулся к небу, оставаясь все же не выше окружающих его остров огромных остроконечных гор вдали.

И лес, и храм манят перейти на один из берегов, но я с восхищением вглядываюсь в ослепительно-бирюзовую воду, текущую мощным потоком глубоко внизу под моими ногами. Не могу оторвать взгляда и не могу пошевелиться. Мост тает, растворяясь дымкой, и я понимаю, что вместе с ним тает и время на мое спасение. И уже вот-вот рухну в воду, но остаюсь неподвижно стоять не в силах даже отвести глаза от голу-

бой бездны. Внезапно потеряв опору, я падаю вниз и... просыпаюсь.

Перед глазами, ослепленными кристальной рекой, возник привычный вид моей спальни. Сон развеялся, но я оставалась все так же скованной по рукам и ногам неведомой силой.

В первое мгновение я подумала, что умерла и мое сознание заперто, словно в одиночной камере, в безжизненном теле. И что лежать мне теперь так, утратив контроль над движениями и жизнью, вечно, развлекая себя лишь воспоминаниями и бесконечными мыслями.

Потом я решила, что меня парализовало. И то и другое казалось жутким, и я, уже близкая к панике, все пыталась встать, но лишь билась внутри самой себя о неподвижные стены, ставшие тюрьмой для моей души, кричала изо всех сил, но издавала лишь слабые стоны.

Все мои усилия оставались тщетными. Я понимала, что все еще нахожусь в плену дремоты, и с невероятным усилием просыпалась за минуту десятки раз, все быстрее и быстрее, вновь и вновь. Но каждый раз это оказывался парализующий сон.

По телу пробежали мурашки от ощущения, что в комнате кто-то или что-то есть. Метнулись жуткие тени. Я пыталась прочесть молитву, но сбивалась, начинала сначала и снова забывала простые слова. Меня вдавило в кровать, словно большая рука легла на грудь, мягко смыкая пальцы на моей шее, воздух стал густым и тягучим, а комнату окутало голубой дымкой.

Как ни странно, это удушающее давление успокаивало и согревало онемевшее тело.

Я уже мысленно прощалась с жизнью, как вдруг знакомый голос, вернувшись, тихо посоветовал смотреть на мизинец и все усилия направить на то, чтобы он начал двигаться. Это короткое движение пальцем далось мне с большим трудом, но стоило его совершить, как все тело тут же обрело былую

чувствительность, жизнь и подвижность, словно расколдованное в игре «Море волнуется раз».

Голубая дымка развеялась как ни бывало, волнение стихло, и тяжесть отступила. Осталось лишь нежное тепло на груди, я положила поверх свою руку и продолжала лежать без сил.

Эпизод 3
Сонный паралич

Это был сонный паралич. Достаточно частое явление, — объяснял терапевт. — Катаплексия пробуждения относится к группе гиперсомний, — он продолжил печатать.

Мне предлагалось:

- Соблюдать режим.
- Не переедать перед сном, но и не ложиться спать на голодный желудок.
- Исключить переживания, умственную и физическую активность перед сном или завершить за полтора часа до сна.
- Не принимать перед сном стимулирующие и нарушающие сон препараты, также кофеин, никотин и алкоголь.

Его речь звучала будто издалека.

Я отрешенно смотрела в окно, положив руку на грудь в районе ключиц, где еще тлели остатки того странного тепла, и наблюдала за тем, как плавно и бесшумно покачивали сочными густыми кронами деревья за стеклом.

- Обеспечить в спальне темноту, тишину, умеренную температуру воздуха, удобные матрас и подушку, помещение следует проветривать перед сном.
- Придумайте вечерние ритуалы, направленные на расслабление: теплая ванна или прослушивание спокойной музыки, например.

— Вы в порядке? — спросил врач, заметив, что мысленно я не здесь.

— Не знаю. Наверное.

Я хотела рассказать о голосах, что слышу, о горячей душащей руке и голубом дыме, стелившемся по полу моей спальни. Но подумала, что меня сочтут сумасшедшей или экзальтированной дамочкой, верящей в разный мистический бред. А я не верила. Просто принимала это как данность, без удивления, но все еще желая найти логическое объяснение.

Словно прочитав мои мысли, врач произнес:

— В редких случаях эпизоды сонного паралича сопровождаются различными галлюцинациями, часто устрашающими, вызывающими выраженную эмоциональную реакцию. Люди описывают ощущение постороннего присутствия в комнате, давления на грудную клетку. Из-за чего пациент боится засыпать в темноте в одиночестве. Вы испытываете что-то подобное?

— Нет. Я люблю одиночество, — невпопад ответила я, умолчав о голосе в моей голове. «Голос» одобрил мое решение емким: «Тебя бы просто отправили к психиатру».

— Каталепсия может сопровождать депрессию, неврозы, тревожные состояния и другие отклонения. Могу назначить вам консультацию психиатра, — предложил врач.

«Что и требовалось доказать», — констатировал «голос».

— Не стоит, я отлично себя чувствую. Просто усталость и недосып. Спасибо, доктор.

Я вышла из кабинета со смешанными чувствами. С одной стороны, с облегчением, потому что это всего лишь обычный сонный паралич, а с другой — в мои мысли закралось сомнение в собственной адекватности, которое я быстро отвергла, потому что все странности имели вполне реалистичное объяснение. И даже голос в голове — это всего лишь способность прислушаться к интуиции и подсознанию, представшая в виде внутреннего диалога. Есть люди, что мыслят образами, а есть те, чьи мысли рождаются в виде речи.

Мелкие просьбы «голоса» отныне я старалась не замечать. Потому что это лишь безобидная игра воображения, подобно той, что происходила у многих, когда в детстве звучало в голове: «Не наступай на трещины в асфальте», «Шагай через ступеньку или только по белым полосам пешеходного перехода». А к его важным советам научилась прислушиваться, хоть и стала спорить порой, что породило настоящий диалог между нами.

Глава 3

Смерть из прошлого

Эпизод 1

Ведьма

Вести этот внутренний диалог с самой собой было легко и интересно, словно с другом детства. Фактически это так и было, я вспомнила о том, что слышала его с самого начала моей жизни. И вспомнила, как когда-то давно, еще ребенком, заглушила этот «голос» в себе, отреклась от него, после того как одноклассницы начали дразнить меня ведьмой, когда я по детской наивности доверила им эту тайну.

– Я помню, – с грустью рассказывал он в мельчайших подробностях, поднимая один за другим пыльные слои памяти, – ты стояла в церкви – чистый ангел: светлые золотистые

волосы с завитком на висках, тонкие белоснежные руки в замке и чистый взгляд на икону светло-голубых, прозрачных, как два кристалла, твоих вечно грустных глаз — и шептала молитву, неумело, стыдливо, но так искренне... А она шептала за спиной: «Ведьма, смотрите, правда, как ведьма!» И вот уже раздавались визгливые смешки и все более громкое «ведьма», которым дети провожали тебя почти до самого дома...

— При этом мы были подругами, — улыбнулась я. Ведь это давно не имело силы надо мной: я уже не держала обиды на эти мелочи. Еще тогда поняла, что дело не во мне, а в них, а точнее, в той, которая любила ради развлечения ссорить всех, чья дружба казалась крепкой, вселять неуверенность в тех, кто успешнее ее, разрушать первые влюбленности и присваивать чужие заслуги себе.

Как неискренне она плакала, когда ее разоблачали, но так искренне жаждала любви и внимания к себе.

Она со школьной скамьи сходила с ума, если кто-то другой заслуживал хорошую оценку или похвалу, получал приз на соревнованиях или главную роль в небольшом детском театре, правдами и неправдами, слезами и угрозами пытаясь заставить отказаться в ее пользу. Она темнела, бесилась, высмеивала и ненавидела любое счастье, радость, красоту, талант и любовь, если они не принадлежали ей.

Так довольно рано благодаря этому знакомству я осознала, что люди разные. А главное, что мы сами выбираем окружение и отношение к себе.

Если тебя не любят, не принимают, если не любишь ты, когда тяжело, неприятно и больно, когда в тягость, — не нужно искать причину в себе, нужно уходить. Потому что любовь, дружба, понимание и бережное отношение даются просто так, а не за попытки угодить, подстроиться или в результате борьбы за власть. Даже если пожертвуешь собой или станешь идеалом, обыграешь, доказав и оставшись победителем, тебя все равно не полюбят.

— А полюбят просто так, потому что ты — это ты. Помнишь, чем закончилась ваша дружба? — спросил голос.

И я в тот же миг вспомнила, как глаза той девушки стали вновь наивными и детскими, когда я сказала ей простую фразу: «Я больше не хочу быть с тобой. Просто не хочу». Без претензий, без обиды и злорадства произнеся это.

— Горжусь тобой, — вдруг сказал голос.

— Я все помню: и как с ней мы беззаботно смеялись в детстве и устраивали разные затеи... И хорошее, и плохое, все помню.

— И этим тоже горжусь. Горжусь тобой полностью.

— Полностью? Даже, например, рукой? — смеясь, я подняла правую кисть перед собой, разглядывая ее несовершенства. Под тонкой кожей виднелись голубые вены, а узкие ногти загибались вниз подобно птичьим, звериным или тем, что рисуют злодейкам и колдуньям на иллюстрациях к детским сказкам.

— Той рукой, что ты подала мальчишке, которого не принимали в хоровод; и положила трубку телефона, когда одноклассники звонили поиздеваться над твоей подругой; рукой, не поданной недостойным; рукой, удержавшей незнакомца от смертельного падения; рукой, подарившей звонкую пощечину предателю?.. Рукой, не дрогнувшей, рукой, не растратившей напрасно свою нежность, рукой, не боявшейся ни холода, ни огня, познавшей и боль, и удовольствие, маленькой, словно у ребенка, но удивительно сильной, такой, как и должна быть женская рука? Горжусь. Очень! — с жаром сказал он.

— К сожалению, я не такой уж хороший человек, как тебе кажется, — ухмыльнулась я.

— Я не зову тебя хорошей, а говорю, что горжусь тобой. Ведь я один знаю, что ты не из жалости защищала слабых, а назло тем, кто их унижал; не от праведности, а из высокомерия избегаешь ничтожных; и уж точно не ради справедливости,

а от того, что месть так сладка, ты сделала больно тому, кому верила, а он предал.

— Так и есть...

— Но я лишь сильнее горжусь тобой за это. Что, если я скажу, что тот мальчик из хоровода так и не научился сам себя защищать, подруга считает тех, кто издевался над ней, ближе тебя, а незнакомец, которого ты спасла, насильник, искалечивший несколько жизней? И так далее. Но это не изменит того, что с твоей стороны это было достойно, сильно, красиво.

— Зачем ты хочешь меня запутать? — с подозрением спросила я.

— Напротив, я хочу, чтобы ты вспомнила все, вспомнила себя и то, как сильно ты отличаешься от других людей. Я хочу подарить тебе знание, которого ты достойна.

— Почему мне? — я не успокаивалась.

— Мы едины, — голос чуть помедлил, а потом добавил: — Ты моя.

Эпизод 2
Святки

Меня разбудил ранний звонок, телефон тревожно дергался от вибрации, пытаясь соскользнуть с прикроватной тумбы на пол. Я успела его поймать в последнюю секунду перед падением.

На том конце провода девушка неуверенно, будто сама еще сомневалась в том, что говорит, сообщила: та самая бывшая подруга, о которой я вспомнила вчера (в связи с тем, что из-за

нее на много лет перестала слушать свой внутренний голос), взяла и умерла...

Я почувствовала ком в горле. Голос проворчал что-то о том, что с ее образом жизни это закономерно. А звонившая девушка попросила прийти на похороны.

Через несколько часов я стояла в зале, наполненном знакомыми когда-то людьми, которые не виделись несколько лет.

Взгляды красных от слез глаз смешивались со взглядами глаз любопытных, а горькие вздохи и слова соболезнования с рассказами о том, кто, где и какую должность сейчас занимает, кто женился, кто развелся, сколько детей имеет, и прочими подробностями жизни своей и общих знакомых.

Не слушая ни тех, ни других, я пристально вглядывалась в лицо покойной, казалось, что вот-вот дрогнут ее ресницы и глаза откроются, настолько молодой и свежей она выглядела. Мне казалось, что эта девушка либо по-прежнему жива, либо вовсе никогда не существовала, настолько внезапной была ее смерть. Я долго так простояла в ожидании собственных слез, но их не было.

— Некоторые актеры, когда не могут пустить слезу, зевают, — сказал голос.

— Странно, почему-то совсем нет слез, — ответила я.

— Помнишь, как она кричала тебе: «Будь ты проклята»?

Я будто снова услышала, как ее проклятия превращаются в обыкновенную бабскую истерику: «Ты рождена разрушать семьи, так и будешь всю жизнь уводить чужих мужей!» Под мужем она, видимо, имела в виду парня, который ей понравился, но оказался безответно влюблен в меня. Я же избегала его и не подарила ни капли надежды на взаимность. Но, несмотря на это, мне вслед летело: «Ну что в ней такого? Ведьма!»

И я с огромным комом в груди бежала к маме через весь город, потому что мне необходимо было разрыдаться. Но я могла сделать это только в ее объятиях.

Мама утешала меня, говорила, что нельзя проклинать, проклятья возвращаются большой бедой тому, кто их произносит. Она кормила меня тортом, называла подругу завистливой и глупой. Мама вытирала мои девичьи слезы с разгоряченного лица своей прохладной рукой и убеждала, что никто на свете не стоит этих драгоценных капель.

— Ты намекаешь, что я рада ее смерти? — с возмущением спросила я.

— Нет, лишь удивляюсь, зачем ты ищешь жалость и сострадание там, где их нет и быть не должно? — ответил внутренний голос. — Зачем ждать слез, когда не хочется плакать, и наоборот, сдерживать себя, когда они льются? Зачем люди пытаются отвлечь и развеселить в моменты грусти и, наоборот, успокоить в моменты безудержного веселья? Зачем человек, выбиваясь из сил, пытается плыть против течения своих желаний, насильно заставляя себя испытывать противоположные чувства, вместо того чтобы расслабиться и погрузиться в глубину того, что с ним происходит сейчас?

— От страха. Страха познания этой глубины. Того, что там прячется на дне души.

— Но ты ведь не боишься?

— Я — нет, конечно.

— И что там сейчас? Нашла скорбь?

— Нет, она была плохим человеком и уже давно стала чужой для меня. Я не рада ее смерти, но у меня не нашлось для нее слез.

Я смотрела, как тело молодой девушки в белом подвенечном платье увозил катафалк.

Это казалось противоестественным и неправильным. Блеснув черной краской, он проехал по улицам моего детства. И вдруг резкое воспоминание словно ударило в виски: как мы с ней смеялись и я говорила, прогуливаясь по этой самой дороге: «За тобой приедет черный катафалк», потому что в тот

вечер мы ради смеха устроили спиритический сеанс и нагадали всякую чушь...

Темнота, буквы вкруг и тарелка с закопченной с помощью свечи черной стрелкой, которая движется, слагая буквы в слова.

Это было на святки здесь, в этом самом доме, где сегодня я стояла и смотрела на ее гроб. Весело, не придавая этому никакого серьезного значения, уверенные, что кто-то из нас ведет тарелку своей рукой, ради шутки и развлечения вызывали духов.

И дух написал в ответ на ее вопрос о свадьбе:

«Я убью тебя».

— М-м-м... А что он написал в ответ на твой вопрос, ты помнишь? — со странным, не свойственным ему ранее выражением спросил голос.

Я не ответила. Но холод пробежал по спине.

В закоулках памяти блюдечко решительно и четко выводило:

«Ты моя».

Эпизод 3

Одержимость

Первый зной вцепился в город так сильно, что расплавленный воздух покачивался при полном отсутствии ветра.

На улицах было пустынно, будто солнце беспощадно выжгло любую человеческую активность. Но моя квартира под самой крышей еще хранила прохладу в метровых кирпичных стенах и полумрак в бордовом зале с высокими зеркалами и черным потолком.

Мне было тревожно. Мысль о том, как совпала эта странная смерть и разговор с внутренним голосом, настораживала, рождая неприятные догадки. И тогда я открыла ноутбук, легла на кровать и стала искать, изучая все свои «симптомы», подобно больному, который пытается самостоятельно поставить себе диагноз. Но все источники Сети выдавали лишь поверхностную и противоречивую информацию.

Неумолимо клонило в сон, и я было уже опустила голову и закрыла глаза, но в последний момент все же собралась с силами и отправилась в старую городскую библиотеку.

Серая башня с тринадцатью колоннами, усеянная высокими темными окнами, недружелюбно и со скрипом распахнула свои огромные выцветшие двери. В тишине среди деревянных стеллажей я бродила одна, сопровождаемая лишь дымным сочетанием аромата старых книг и собственных терпких вишневых духов. Взяв стопку книг, я приступила к их изучению, и лишь одно слово повторялось в них вновь и вновь —

«ОДЕРЖИМОСТЬ».

Не помню, как вышла из читального зала и начала быстро спускаться по мраморным лестницам, но никак не могла най-

ти выход. Казалось, что ступени ведут вниз, но я оказывалась выше этажом, поворачивала вправо, но выходила к пролету слева. Внутренний голос молчал.

Стараясь не впадать в панику, я все быстрее бежала по бесконечным лестницам, которых, казалось, становилось все больше и больше. Когда все пространство вокруг превратилось в клубок запутанных ступеней, я поняла, что сплю. Внутренний голос все так же молчал. И мне очень хотелось проснуться.

Когда-то в детстве моя бабушка, по старой традиции, учила меня управлять сном, заказывать сюжет или избегать плохих сновидений, оттого я помнила: стоит начать вспоминать место, в котором уснула, — и тотчас же проснешься…

Высокий светильник на золотом основании, похожем на ствол дерева, покачивал белыми страусиными перьями. Рядом со светлым туалетным столиком бежевый чемоданчик — виниловый проигрыватель, чуть шурша, крутил уже давно проигранную до конца пластинку. Ветер развевал белый тюль через открытую дверь балкона… Я проснулась, и солнце ударило мне в лицо до рези в глазах, но после того странного и жутковатого сна я была этому рада и тут же выбежала из дома, по пути завязывая шнурки. Я решила восстановить хронологию событий и начать свое расследование с самого начала. Странные события начались с музыкального вечера, на котором я впервые увидела столь яркие голубые глаза и прислушалась к голосу, который помог мне спасти певицу. Диагноз ее был достаточно серьезен, а с тех пор как она упала, прошло не больше месяца, поэтому я надеялась найти ее в клинике.

Все валилось из рук, не складывалось и путалось на ровном месте. Внутренний голос просил успокоиться и не делать глупостей, просто выпить вина и поговорить, но я отмахивалась от него, стараясь не замечать. Он велел вернуться и занавесить окна, проверить, закрыла ли я дверь, но лишь сильнее раздражал меня этим, и я прошептала:

— Исчезни!

Он умолк в тот же миг. Но когда я вышла из подъезда, прямо под ноги с грохотом упал ключ от квартиры, будто кто-то с силой швырнул его о тротуарную плитку. Я подняла ключ, подумав с ужасом, что дверь могла быть не заперта, но тут же осознала, что этот страх не был моим, это «голос» вселил его.

В ярости я выехала в сторону клиники, по пути все больше и больше осознавая, что этот голос отнюдь не дар и уж точно не ангел-хранитель, а нечто совсем противоположное.

В тот миг я была уверена, что певица знала об этом и хотела меня предупредить, за что и поплатилась, поэтому мне сейчас необходимо было с ней поговорить.

Город встал в одной бесконечной дорожной пробке, градус раздражения нарастал, казалось, что мне стоило физических усилий прорваться к дверям клиники, которые оказались закрыты. Более того, на них был установлен домофон, но и это меня не остановило. Я тихо проскользнула по узким коридорам, накинув заранее приготовленный белый халат, потому что в окошке регистратуры мне, конечно же, ответили, что сегодня неприемный день.

Проходя мимо открытых дверей, я заглядывала в каждую, чтобы не упустить певицу, вдруг ее перевели из палаты номер семнадцать. Но ее не было нигде, как и самой палаты, в которой я видела девушку в последний раз. Двери с таким номером просто не существовало, на последней была старая табличка с шестнадцатым номером, само расположение дверей не предполагало еще одну на этаже.

Тогда я опешила, но продолжила искать, доверившись своему воспоминанию, и пришла в то место, где по моим ощущениям была палата номер семнадцать. Вместо высоких двустворчатых дверей со стеклянными вставками передо мной оказалась маленькая и узкая, неровно покрашенная в несколько слоев масляной белой краской, которая уже пожелтела от времени. Я рванула ручку на себя, та на удивление лег-

ко поддалась, и на меня посыпались швабры, ведра, какие-то коробки и разная ветошь.

Проходящая мимо уборщица недовольно спросила: «Девушка, я могу вам чем-то помочь?» Но на вопрос о певице и семнадцатой палате она ответила, что здесь четное количество палат на каждом этаже, а первая цифра означает номер этажа, потому семнадцатой не было и быть не могло. И вообще, так как сегодня неприемный день, она проводила меня до самого выхода и, проследив, чтобы я вышла, с громким хлопком плотно закрыла входную дверь.

Я растерянно стояла на крыльце, и решительность моя улетучивалась, а ей на смену приходило сомнение в собственной адекватности.

Рядом стояла неприятная женщина лет пятидесяти, в накинутой на плечи поверх халата легкой синей куртке и курила, пристально глядя на меня.

Я в ответ, так же нагло уставившись прямо в ее глаза, поинтересовалась, давно ли тут установили домофон.

— *Amor fati*, — вдруг ответила она низким мужским голосом.

— Что?

— Он здесь всегда был, — небрежно откашлявшись, с ухмылкой ответила она, и ее ярко-голубые глаза кольнули злым холодком.

Домой я возвращалась в полной уверенности, что схожу с ума.

